

УДК 94

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.94-123>

Волнения в Казахской степи Уральской области в 1869–1870 годах в дореволюционной и советской историографии

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

В статье показаны различные подходы к анализу событий 1869–1870 гг. в Казахской степи (в Младшем жузе) у представителей дореволюционной российской и советской казахстанской историографии. При этом мнения исследователей варьируются в зависимости от рассматриваемых аспектов – от причин начавшихся волнений до морально-этической оценки действий участников тех событий с обеих противоборствующих сторон. Очевидно, что различия в оценках обусловлены также спецификой историографии дореволюционного и советского периодов.

Ключевые слова: Ногайская Орда, Младший жуз, волнения в Казахской степи, форт Александровский, подполковник Рукин, майор Зеленин, уральские казаки

Для цитирования: Дубовиков А.М. Волнения в Казахской степи Уральской области в 1869–1870 годах в дореволюционной и советской историографии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.94–123. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.94-123>

Отношения яицких казаков (ставших в 1775 г. уральскими) со своими восточными соседями – казахами Младшего жуза, если рассматривать их в исторической ретроспективе, складывались непросто.

Поначалу соседями казаков, ватаги которых впервые появились на побережье Яика (Урала) в XVI в., были ногайцы, основную массу которых составляли представители отюрчившегося монгольского племени «мангыт».

История Ногайской Орды подробно и детально описана в одноименной книге («История Ногайской Орды» [21]), автор которой, В.В. Трепавлов, по праву при жизни считался главным российским специалистом в данной области.

Ногайская Орда, кочевое квазигосударство, возникшее в 1-й половине XV в. в ходе распада некогда могущественной Золотой Орды, располагалось на территории западной части нынешнего Казахстана. В середине XVI в. из-за усилившихся усобиц ногайской знати, последствий засухи, голода и эпидемии чумы начался отток ногайцев на Северный Кавказ. В итоге часть ногайцев осела в Приазовье, образовав там Малую Ногайскую

Орду в составе Крымского ханства. Другое ее название – «Казыев улус» (по имени ее основателя – мирзы Казыя, сына Урака). Основная же масса ногайцев осталась на землях, прилегавших к северо-восточному побережью Каспия, вошедших в историю под названием «Больших ногаев».

Вскоре после падения Астраханского ханства ногайский правитель (бий) Исмаил перешел в русское подданство. Его примеру последовали и многие другие ногайские мурзы, пророссийскую позицию также занимал его сын и преемник Тинахмет (Дин-Ахмед), правивший в 1563–1578 гг., хотя отношения с Москвой формально считались равноправными.

Никто из ногайских биев не носил ханского титула, так как среди ногайской правящей верхушки не было прямых потомков Чингисхана по мужской линии. Преемник Тинахмета (и его младший брат) Урус поначалу также пытался придерживаться ориентации на Москву, даже приняв в 1580 г. русское подданство, но затем, почувствовав неравноправность такого альянса, изменил свою политику. Его подопечные стали периодически участвовать в набегах на соседние русские владения, нередко совместно с другими ордами («малыми ногаями», крымскими татарами).

В 80-е гг. XVI в. внимание Уруса было приковано к казакам, которые стали для него главной проблемой. В ту пору казаки обосновались на берегах Яика (на территории примерно от устья Илека до поворота Яика на юг и реки Кушум). Формально они не являлись подданными московских властей, совершая регулярные набеги как на русские купеческие суда, идущие по Волге, так и на ногайские кочевья, подвергая их грабегам и разорениям, захватывая пленников и пленниц.

Считая казаков русскими подданными, Урус-бий и его мурзы не раз жаловались на них русскому царю. Например, в 1586 г. свои жалобы Урус выражал царскому послу Ивану Хлопову, с которым встречался под Астраханью. С Урусом также встречались и состоявшие на русской службе «служилые юртовые татары» – Казымайдан, Балыкчей, толмач Бахтияр. Всем им Урус жаловался на нарушение царем прежних договоренностей, на строительство городов на землях, которые он считал ногайскими, но больше всего – на казаков, о чем свидетельствуют многие документы. Вот строки из них:

«И Урус-князь говорил: сказываешь, что воеводы казаков унижают, ано и сево лета при тебе как ты был в Астрахани приходили казаки и не однова на мои улусы... И ныне де и те казаки живут на Волге и на Яике и мои улусы воют украдом» [17, с.266]. Это Урус говорил Хлопову.

А вот строки из грамоты Уруса, адресованной русскому царю: *«Аж те поры пришед на Яик казаков с шестьсот-семьсот, порставили город большой, и с того города нам много лиха починили»* [17, с.268].

Примерно о том же доносили астраханскому воеводе Ф.М. Лобанову-Ростовскому упомянутые выше служилые татары, бежавшие от Уруса, который намеревался их задержать: *«Приходили де казаки на Хозин улус и убили Бабухозяю, да жену ево, да взяли в полон карашманхозину жену ... а*

Караиман де хозя утек... А взяли де у нагаев казаки нагайских людей и полону с триста душ. А атаман де у казаков Матюшею зовут¹, а было де, сказывают, казаков человек с пять сот... Да взяли де казаки у нагаев с три тысячи животные...» [17, с.269]. И далее: «А приходили де казаки на улусы на Яик в полдни, да убили дже казаки сатыева улуса наймана Келде-ураза де, ханмирзина юшана Кулюих-батыря и детей де их» [17, с.269]. И вновь о том же: «Поставили де русские люди город на Кош-Яике, и приходили к городу Хан-мирза да Ярослав-мирза с нагайскими людьми, и русские де люди нагай побили» [17, с.269]. О том же шла речь и в другом документе: «И в те де поры пришли казаки на хозины улусы ... и на бабехозин, и на караасманхозин, и те улусы погромили. Да в тех же улусах взяли казаки исмаилеву княжскую дочь урусову сестру» [17, с.70].

Дети боярские – Колтовский, Стремоухов и Языков, вернувшиеся из посольства к ногайским мурзам, подтвердили, что ногайцам порой приходится страдать от казачьих набегов. В частности, ими была упомянута столица ногайцев, Сарайчик, которую казаки не раз подвергали разорению (хорошо известны, по крайней мере, два таких предшествовавших случая – 1572 и 1581 гг.). «Воевали на Яике казаки засарачиковские улусы, а побили, государь, у них, и в полон поимали многих людей, и убили, государь, двух сеитов, лутчих людей», – сообщали дети боярские [17, с.271].

С жалобами на казаков обращались разные представители ногайской знати, например, Хан-мирза. Вот одно из его посланий: «Всего крестьянства государю, Федору-царю, Хан-мирза челом бьет... И будет похощь меня себе прямым другом имети, и ты б с Волги и с Яики и с Дону казаков велел свести» [17, с.272–273].

В жалобах мурз просьбы порой сочетались с угрозами. Вот, например, что Урус-мирза велел Ивану Хлопову передать царю: «И только де и твой государь не похочет со мною в миру бытии, и казаков с Волги и с Яика не согнать, и я с ним стану воеватца, и сложуся с крымским...» [17, с.278].

А вот послание Урмахмет-мирзы: «Всего крестьянства государю царю и великому князю Федору Ивановичу Всеа Руси тинахметов княжой сын Урмахмет-мирза челом бьет... И будет из Волги и из Яика воды не дашь ... и любовь наша до конца уветца. А нас, мангыцких людей, и с шихмаевыми детьми – сорок темь, и только сложась с казыевыми улусы, и свестяся с крымскими людьми ... нас будет сто темь людей, и с такою со мною ратью учнем искати» [17, с.273–274]. В данном случае речь шла не только о казаках, но и об основании Самары, которая, по мнению ногайских мурз, создаст их подопечным препятствия для перекочевков.

¹ Нет никаких сомнений, что упомянутый «атаман Матюша» – не кто иной, как сподвижник Ермака (на тот момент уже погибшего) Матвей Мещеряк. «Мещеряки» или «мишари» – этнографическая группа татар; очевидно, «Матюша» происходил из крещеных татар.

Впрочем, угрозы ногайцев вряд ли могли быть реализованы в указанном ими масштабе. «Сто темь» – это сто раз по десять тысяч, или миллион воинов. Да и «сорок темь» – это явно больше, чем смогли бы собрать ногайцы, даже при поддержке из Крыма.

Видя недовольство ногайцев, русские послы и их спутники пытались убедить мурз, что возведение укреплений производится для их же блага. Об этом шла речь в одной из царских грамот, что была адресована Арслану-мирзе: *«А мы на Волге и на Самаре вас велели беречи накрепко, и ваших улусов от воров от казаков, чтоб отнюдь никаких казак не воровал, и на ваши улусы не приходил, того для есмя и город поставили на Самаре... А которые воры-казаки будут на Яике или вверх Самары, и вы б, сослався в наш город на Самару с нашими воеводами на тех воров ходили с нашими людьми вместе, и их побивали, и, имая, вешали»* [17, с.276–277].

То же самое Иван Хлопов сообщал Урусу: *«А города государь наш ставить велел на Волге для вас же. Чтоб воров-казаков с Волги и с Самары согнать, а те казаки поныне на Яике воры бегают от государя нашего людей»* [17, с.278]. Но убедить Уруса, что строительство русских укреплений на Волге будет способствовать безопасности ногайских улусов, не удалось: *«А сорок лет де как Казань взята и Астрахань ... а казаки де и ныне в наши улусы ж украдом приходят безпрестанно»* [17, с.278].

Конечно, в словах представителей России присутствовало лукавство; русские города строились для укрепления границ России, а отнюдь не ради безопасности ногайских улусов. Но, с другой стороны, казаки доставляли немало беспокойств и русским воеводам, которые периодически участвовали в кампаниях против «воров-казаков», и, в итоге, все-таки заставили их покинуть берега Средней и Нижней Волги в первой половине следующего столетия окончательно перебраться на более «вольный» Яик. И все же казаки объективно приносили пользу Москве, оттягивая на себя силы ногайцев, чей правитель Урус был вынужден вновь, не позднее 1587 г., присягнуть русскому царю, теперь уже Федору Ивановичу.

После смерти Иштерек-бия (в 1618 г.) Большая Ногайская Орда погрузилась в череду усобиц и фактически распалась. Однако главную роль в ликвидации этого кочевого квазигосударства сыграло калмыцкое нашествие конца 20-х – начала 30-х гг. XVII в. По этому поводу абсолютно справедливыми выглядят следующие слова В.В. Трепавлова: *«Калмыцкое нашествие имело роковые последствия для исторических судеб Большой Ногайской Орды. Народная память связала ее окончательное крушение именно с калмыками»* [21, с.373].

Понятно, что с ликвидацией ногайской государственности ногайский этнос не исчез бесследно. Сегодня его представителей можно встретить на Северном Кавказе (в основном, на территории нынешнего Ставропольского края). Что же касается ногайцев, не перебравшихся на Кавказ, то часть их влилась в состав казахского (в дореволюционном варианте – «киргизского») этноса, став частью Младшего жуза и сохранив свое прежнее на-

звание («ногай»). Были и те, кто влился в ряды яицкого (уральского) казачества, став его отдельной этнографической группой «казаков-татар» (хотя имел место и процесс их ассимиляции русскими).

В «Географическо-статистическом словаре Российской Империи» (в статье «Татары») по этому поводу можно прочесть следующее: *«В области Уральского войска находятся потомки ногаев в числе до 4500 человек, приписанные к казацкому сословию»* [3, с.58]. Таким образом, тюркомусульманский элемент в казачьей среде присутствовал изначально, и данный факт следует признать.

При этом ряд историков постсоветского Казахстана пошли гораздо дальше. Ссылаясь на сходство слов (в казахском языке слово «казах» также пишется через букву «к» – «казак»), они утверждают, что казаки изначально были казахами, оторвавшимися от родных корней. Вот что по этому поводу писал казахский историк и известный русофоб Калибек Данияров: *«Русское казачество, ведущее свою историю с принятия христианства незначительной частью казахских родов ...перешедших на службу России, постепенно увеличивалось за счет беглых преступников»* [5, с.6].

Оставив такие изыскания на совести «данияровых», согласимся, что в рядах казачества (в том числе яицкого/уральского) неславянский компонент присутствовал, хотя и не играл серьезной роли, будучи незначительным.

Вторая половина XVII и начало XVIII в. стали временем постепенного перехода яицкого казачества в российское подданство и установления над ним неуклонно усиливающегося административного контроля со стороны царских властей. Так Яик стал границей между Россией и Казахской степью, прежде всего – Младшим жузом («Кіші жузом»).

Данный жуз включал (и включает поныне) в себя два родоплеменных объединения – «Алшын» и «Жетыру». Первое из них делилось (и делится) на две ветви – «Алимулы» и «Байулы», которые, в свою очередь, включали (и включают) в себя порядка двух десятков родов («ру») – «алаша», «алтын», «байбакты», «берш», «шекты», «шомекей», «щеркеш», «ысык» и др. Еще семь родов относятся к «Жетыру» (что буквально так и переводится – «семь родов»). Это – «жагалбайлы», «кереит», «табын», «тама» и др. Особняком в Младшем жузе стоит родоплеменное объединение «Ногай-казах», которое включает в себя еще четыре рода – «казанкулак», «костанбалы», «кояс» и «уйсын».

При этом наиболее воинственным и непокорным племенем всегда считались адаевцы («адай»), чьи кочевья простирались от низовьев реки Эмбы до границ Хивинского ханства, включая полуостров Мангышлак и земли, примыкавшие к северо-восточному побережью Каспия. Надо заметить, что адаевцев боялись даже представители других родов и племен Младшего жуза, которые тоже нередко становились жертвами их грабежей, ибо подобные набеги являлись основным источником доходов адаевцев. Этот факт зафиксировал и И.И. Железнов, казачий офицер и писатель, живший в XIX в. (*«а роду адайскому, самому воровскому и злейшему из*

киргизских родов, все роды более или менее враждебны, потому что адайцы сами всех затрагивают и обижают») [6, с.141–142].

В XVIII в. основная масса представителей знати Младшего жуза, порусски официально именовавшегося «Малой киргизской ордой», принимает российское подданство, причем, как правило – добровольно. В качестве поощрения за это казахские султаны и бии получали воинские чины, казенное жалование и прочие привилегии. К примеру, «султан-правитель восточной части Области оренбургских киргиз» Ахмед Джантюрин и его брат, «султан-правитель средней части Области оренбургских киргиз» Арслан Джантюрин имели казачьи чины войсковых старшин и годовое жалование в 1200 руб. серебром каждый². Это почти на порядок больше, чем жалование «русских» казаков такого же чина. Например, в тот же период годовое жалование войскового старшины Бородина составляло лишь 165 руб.³

Однако принятие казахской верхушкой русского подданства вовсе не означало, что на границах с Казахской степью установились тишина и покой. Никому не подконтрольные шайки продолжали совершать разбойничьи набеги, а их формальные правители уверяли, что не имеют к этому никакого отношения и что готовы оказать любое содействие русским властям в поиске и поимке виновных. В большинстве случаев эти заверения были искренними, и тому много примеров: в подавлении волнений в Казахской степи активно участвовали как вышеупомянутые братья Джантюрины, так и представители нижестоящей казахской знати. Так, за дело по «водворению порядка в киргизской степи» награды получили 28 казахских султанов, биев и старшин, участвовавшие совместно с казаками полковника Бизянова в подавлении мятежа Кенесары Касымова.

Вообще, в процессе «усмирения мятежников» подопечные казахских султанов обычно действовали совместно с русскими (как правило – с казаками). Так, в зимнюю кампанию В.А. Перовского в 1840 г. отряд султана Баймухаммеда Айчувакова, совместно с уральскими казаками полковника Бизянова, совершил рейд по мятежным аулам, истребив сотни адаевцев. О том рейде писали как участники похода Перовского (в частности – М.И. Иванин или В.И. Даль), так и прочие авторы (например – А.Л. Гуляев).

Вот, к примеру, строки Даля: *«Султан, полковник Айчуваков, был отправлен уже в начале марта с тремя сотнями уральцев за сбором верблюдов у непокорных нам племен; в конце марта присоединился к нему Уральского войска полковник Бизянов еще с двумя сотнями и двумя орудиями, прошел вниз до половины течения Эмбы, оттуда в погоню за аулами; на одном из переходов по самому Усть-Урту, и, наконец, воротил-*

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.405. Оп.6. Д.5446. Л.131.

³ РГВИА. Ф.405. Оп.6. Д.5446. Л.122.

лись, вогнав в камыши устья Эмбы, адайцев и черкесов⁴, виновных в пленении Аитова, и уничтожив их аулы» [2, с.160]. Подобные строки имеются и у Иванина («Бизянов ... и Айчуваков, ... настигнув адаевцев, ... побили из них 450 человек») [9, с.149–150]. Примерно то же самое можно найти и у Гуляева [15, с.136–138].

Нередко находились «батыры», открыто заявлявшие о непризнании власти своих султанов, а те были вынуждены обращаться за помощью к русским властям, которые, в свою очередь, для защиты доверившихся им лиц, посылали воинские контингенты, состоявшие, как правило, опять же из казаков. Как всегда, беспокоив русским властям, как и верной им казахской знати, больше всех прочих казахских родов и племен доставляли те же адаевцы.

Однако, по мнению И.И. Железнова, верноподданнические отношения со стороны казахской знати далеко не всегда были искренними, поскольку часть этих людей, находясь в российском подданстве, тем не менее, не желала выглядеть перед своими подопечными русскими марионетками и слепым орудием в руках русской колониальной администрации. Железнов считал любую помощь с их стороны не следствием верности, а следствием хитрости и «заискиванием наград». Когда кто-то из них поспособствовал выкупу попавших в плен казаков, Железнов, не питая иллюзий, объяснил это просто (*«были выкуплены при посредстве киргизов, преданных России, и заискивавших наград от русского начальства»*) [6, с.96].

Также Железнов привел примеры, как некоторые казахи, формально считаясь «мирными», косвенно участвовали в разбоях или же радовались успешным нападениям своих подопечных. *«Многие из аульных киргизов... хотя и считались ради выгод своих мирными, давая от себя в... казачьи форпосты и крепости аманатов в залог мира, но за всем тем, по естественному расположению к своим соплеменникам, были очень рады их успеху»*, – описывает Железнов радость «мирных» по поводу удачного налета их соплеменников, завершившегося захватом в плен «кафиров» [6, с.76].

Уверяя русских в своей преданности губернатору и императору, они укрывали разыскиваемых преступников. Такую позицию Железнов объяснял просто. *«Выдать своего, во-первых, грех по закону, а во-вторых, значит, нажить себе тьму врагов и покор от целой орды»*, – писал он [6, с.98].

По мере укрепления российского контроля над Казахской степью, там происходили серьезные изменения административного и территориально-административного плана. Процесс этот хорошо известен и подробно описан многими авторами. Не вдаваясь в детали, можно кратко отметить, что до XIX в. русские власти практически не вмешивались во внутреннюю жизнь Казахской степи, ограничиваясь лояльностью казахских правителей (главы жузов или даже их частей носили титулы султанов, а спустя неко-

⁴ У казахов имелся (и имеется) род «щеркеш»; хотя русские называли его представителей «черкесами», к кавказским черкесам он отношения не имеет.

торое время после принятия русского подданства, они стали именоваться «султанами-правителями»). Затем в Казахской степи появляются «дистанции» со своим штатом управленцев, на смену которым в конце 1860-х гг. приходят уезды в составе губерний уже со своими штатами. При этом должность султанов-правителей была упразднена еще ранее.

Начиная с 30-х гг. XIX в. в Казахской степи велось строительство укреплений, которые должны были, прежде всего, стать опорными пунктами для продвижения России в Среднюю Азию, хотя и поддержание порядка в Казахской степи тоже вменялось в обязанность их гарнизонам. И если казахи, кочевавшие на юге Среднего жуза («Орта жуза»), на границе с государствами Средней Азии, зачастую смотрели на это строительство позитивно, как на защиту от грабительских набегов южных соседей, то казахи Младшего жуза, и, прежде всего, те же адаевцы, воспринимали это как покушение на их свободу. Кроме того, часть адаевцев находилась в хивинском подданстве и, будучи под влиянием пропаганды хивинских эмиссаров, желала вообще изгнать русских из своих степей при помощи хивинцев. Впрочем, свои разбойные действия, как на суше, так и на море (грабежи кораблей, севших на мель, коих на северо-восточном побережье Каспия множество), адаевцы часто совершали совместно с туркменским племенем «йомуд».

С падением в 1868 г. Бухарского эмирата на очереди оставались Хивинское и Кокандское ханства, и их власти это хорошо понимали. При этом больше всего беспокойств России доставляла именно Хива с ее разбоями и работорговлей. Она слыла у русских главным «разбойничьим гнездом». Рекогносцировки путей к Хиве и подготовка к будущей хивинской кампании проводились ускоренными темпами. Понимая это, хивинские власти развернули активную пропаганду, подстрекая казахских соседей, и, прежде всего, адаевцев, к восстанию против русских. Таким образом, антироссийские настроения были обоюдными.

С 1869 г. территории Уральского казачьего войска и Младшего жуза объединялись в рамках новообразованной Уральской области. Несмотря на то, что эти две части новой административно-территориальной единицы имели различное внутреннее устройство и разные системы управления, новшество было воспринято с опасением одной частью казахов, и с явной неприязнью – другой их частью.

Становясь частью Уральской области, бывшая «Область оренбургских киргиз» делилась на уезды, попадала в ведение областного правления и уездных начальников; в Казахской степи появлялись выборные должности, урезались права знати и исламского духовенства. Все это стало благодатной почвой для того, чтобы заставить простых казахов поверить в то, что все эти нововведения преследуют только одну цель – ассимилировать казахов путем их крещения, прикрепления к земле, введения у них рекрутчины и т.п. Такие слухи активно распространялись как частью казахской элиты, так и заезжими хивинскими эмиссарами.

Хотя И.И. Железнов и не дожил до реформы 1869 г., он прекрасно знал, как велик страх казахов перед преобразованиями, которые были бы способны изменить их традиционный хозяйственный и социальный быт. Их чувства по этому поводу он описал очень точно, хотя и не очень эстетично. *«Остановить киргиза на одном месте – почти то же, что остановить маятник у часов. При таких местных условиях... жить киргизу в избе или землянке почти также тяжело и душно, как белому медведю жить в тропических странах... Что киргизам не толкуй, знай покачивают только бритой головой, да почавкивают, словно поросята. Пусть бы уж на ... физические неудобства ссылались – нет, толкуют себе черт знает что. Они вообразили, что при оседлой жизни их скорее обратят в податное состояние и заставят нести государственную службу, а к службе государственной киргизы не имеют ни любви, ни охоты, ни склонности, ни способности. Слова «крыстьян» и «сандат» (крестьянин и солдат) действуют на слух глупого киргиза самым ужасным и убийственным образом. Страшнее этих слов для киргиза ничего нет на свете»,* – пишет Железнов [7, с.106].

Так, административная реформа 1869 г. стала причиной начавшихся на территории Младшего жуза волнений, принявших наибольший размах в среде адаевцев.

Апогеем восстания стала попытка захвата форта Александровского – административного центра Мангышлакского приставства, вошедшего в новообразованную Уральскую область. С момента его образования, гарнизон форта был представлен уральскими казаками, которых на тот момент там было две сотни. Ссылаясь на архивные материалы Узбекистана, М.С. Турсунова отметила, что гарнизон форта составляли 293 казака при 23 офицерах (возможно, в «офицеры» она записала и урядников; слишком нереальное соотношение) [22, с.83].

Комендантом форта Александровского был майор Зеленин, бывший военный топограф, а мангышлакским приставом – подполковник Рукин. Оба офицера уже были знакомы уральским казакам по Казахской степи и Средней Азии. Несколько суток казаки форта Александровского держали героическую оборону, отражая штурмы тысяч адаевцев, защищая от неминуемых гибели или плена не только себя, но и мирное население, укрывшееся в крепости. Но осаде форта предшествовала гибель нескольких десятков уральских казаков, во главе с несколькими своими офицерами и приставом Рукиным вышедших на переговоры с адаевцами.

Дореволюционных авторов, посвятивших свои труды восстанию казахов Младшего жуза (в Уральской и Тургайской областях) и последующему мятежу адаевцев 1870 г., не так много.

Большой интерес представляет статья автора, публиковавшегося под псевдонимом Юр-Ко. Она была размещена в ряде номеров еженедельной газеты «Уральские войсковые ведомости» под названием «События в степях Уральской области в 1869 году» [30]. Эти номера выходили с начала

января по начало марта 1870 г. К тому времени мятеж на большей части Младшего жуза был уже подавлен, но в южной его части мятеж адаевцев только-только разгорался, и говорить о его ходе (а, тем более, о подавлении) было еще слишком рано.

Параллельно в последней декаде января в ежедневной петербургской газете «Голос» вышла статья того же автора «Очерк восстания в Уральской области в 1869 г. и усмирение его» [29]. Обе работы имели не только похожее название, но и похожее содержание, с той разницей, что статья в «Голосе» имела меньший объем.

В начале мая 1870 г, когда адаевский мятеж полыхал в полную силу, в том же «Голосе» была опубликована статья «Из Киргизских степей» без указания автора [10].

В августе-октябре 1870 г. «Уральские войсковые ведомости» вновь обращались к недавним событиям в Казахской степи. В нескольких номерах газеты печаталась статья, название которой («События в степях Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869–1870 гг.») практически повторяла название статьи из той же газеты начала года [12]. Разница в том, что, кроме событий 1869 г., в ней содержалась информация также и об адаевском мятеже. Но, как и в другой статье, ее автор напечатался под псевдонимом.

Весной следующего года в «Военном сборнике» вышла очередная статья о событиях 1870 г. на Мангышлаке. Хотя объем статьи был сравнительно большим, ее автор указан не был [14]. А в августе 1871 г. в «Уральских войсковых ведомостях» была опубликована статья В.Голованова «Из походных записок о действиях в степи в 1869 г.» [4], благодаря которой можно восстановить отдельные нюансы происходивших тогда событий.

Уже в наши дни статьи Юр-Ко и К-ъ из «Уральских войсковых ведомостей» 1870 г. были переопубликованы в сборнике «События в степи Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869–1870 гг.» [19].

Были и другие статьи об адаевском мятеже, вышедшие в начале 1870-х гг. Но они небольшие и сравнительно поверхностные.

Из-за использования псевдонимов, или даже полной анонимности статей, не представляется возможности определить – был или не был тот или иной автор участником описываемых им событий.

Если упомянутые выше статьи вышли «по горячим следам», то статьи П.Л. Юдина [28] и В.А. Потто [16] вышли спустя 25–30 лет. Оба автора, по их признаниям, использовали оренбургские архивные материалы. Кроме того, Потто общался с участниками событий, и, прежде всего, с казаками, тогда как Юдин признался, что использовал записи Зеленина, предоставленные ему Н.Г. Ивановым, приятелем Зеленина, к тому времени уже покойного. Первая из статей, как следует из ее названия, посвящена всему адаевскому бунту. Вторая, судя по названию, ограничена гибелью отряда Рукина и последующей обороной форта Александровского.

В.А. Потто не был участником обороны форта Александровского, но хорошо знал «Киргизскую степь» и ее обитателей, чему посвятил не один свой военно-исторический труд. Рассказ о тех событиях он впервые услышал от уральских казаков, которые сопровождали его во время его поездки по Казахской степи вскоре после подавления мятежа. Участником обороны форта наверняка был урядник, старший среди казаков, сопровождавших Потто. Благодаря, в том числе, рассказам того урядника, Потто опубликовал интересную и содержательную статью «Гибель отряда Рукина в 1870 году», хотя и спустя много лет.

Статья Юдина включает в себя три части. Первая и третья части имеют примерно одинаковый объем, вторая часть примерно вдвое меньше каждой из двух остальных. В первой части речь идет об адаевцах, о расположении их кочевий и зимовок, об их традиционных занятиях. Позже он переходит к описанию их непростых нравов, их конфликтов с соседями, их нападений на русских, в том числе на отряд уральских казаков. Вот как звучит его характеристика, данная адаевцам: *«Живя особняком от прочих киргизских родов и не соединяясь с ними даже узами родства, эти воинственные сыны степи, любившие пожить на чужой счет и поживиться чужим добром, не только грабили русских, но нападали и на киргиз, и на хивинцев, и на туркмен и текинцев. Последние были такие же разбойники, как и адаевцы, и между ними часто происходили побоища из-за угона лошадей и скота»* [28, с.138].

Юдин также привел грамоту 1803 г., согласно которой, император Александр I закрепил эту территорию за туркменским владельцем Пир-Гали, принявшим российское подданство. Затем он сообщает о переходе полуострова в ведение Оренбургского военного губернатора, кратко описав историю возведения Новопетровского укрепления (1830-е – 1840-е гг.), позже замененного на новое, Александровское укрепление. Таким образом, около половины статьи посвящена событиям, предшествовавшим адаевскому мятежу 1870 г.

Во второй части своей статьи, Юдин, как и Потто, указал на причины, приведшие к мятежу, о попытках договориться с адаевцами миром, об уничтожении отряда Рукина и о бесчинствах адаевцев в отношении мирных поселенцев Мангышлака. Третья часть посвящена обороне форта, прибытию помощи и подавлению мятежа.

Ряд событий, описанных Потто, Юдин изложил более детально. Так он отметил, что бию Маяеву за помощь русским еще в 1863 г. был подарен дорогой зеленый халат с золотой вышивкой, как он сам того пожелал, предпочтя халат медали. Что для отряда, следующего на выручку Рукину, не хватало лошадей, которых пришлось силой забрать у купцов-армян. Что Рукин был одет в полушубок, в кармане которого был спрятан револьвер. Что, прежде чем застрелиться, пристав пытался стрелять в адаевцев. Что этому помешала осечка, так как в последний раз револьвер заряжался

несколько месяцев назад. Что Рукин застрелился, выстрелив себе в рот. И так далее.

Потто делает краткий экскурс в историю эволюции отношений между Казахской степью и русской пограничной администрацией – от невмешательства во внутренние дела казахов и наказания их за набеги, до попыток интегрировать Казахскую степь в административно-территориальную структуру империи. Параллельно он приводит примеры вооруженных нападений казахов на уральских казаков, имевших кровавые последствия для обеих сторон. Причем, все это происходило еще до бунта адаевцев на Мангышлаке. Статья Потто заканчивается уходом адаевцев от форта Александровского после неудачных попыток овладеть им, тогда как у Юдина последующие события занимают не меньшее место.

В советское время адаевскому мятежу были посвящены два параграфа одной из трех глав книги казахского историка М.С. Турсуновой, посвященной казахам, кочевавшим в районе Мангышлака во 2-й половине XIX в. (это 35 страниц или примерно пятая часть книги). Понятно, что если для дореволюционного историка-офицера адаевцы – это бунтовщики и варвары, то для советского (а, тем более – казахского) историка – это герои и борцы за свободу своего народа. При этом, конечно, говорить об объективности подачи материала во втором случае не приходится.

В.А. Потто сообщает, что информацию о тех событиях, он почерпнул из *«рассказов казаков, вернувшихся из плена»*, от очевидцев и от казахского старшины (волостного управителя), с которым он беседовал в 1871 г., проезжая по служебным делам по зауральной степи в сопровождении группы уральских казаков, да и от самих этих казаков, о чем речь шла выше. Однако, главный источник для Потто, по его же словам – это *«сведения, хранящиеся под толстым слоем пыли оренбургских архивов»* [16, с.111–112].

Данные о тех же событиях, приведенные в монографии Турсуновой, частично совпадают, частично разнятся с данными Потто. Например, когда идет речь о количестве пушек, казаков, воинских чинов, хотя подобные расхождения, как правило, незначительные. Среди работ, использованных Турсуновой, указана и статья Потто. Кроме того, использованы материалы нескольких российских, одного казахского и одного узбекского архивов.

Конечно, оценки, даваемые событиям, происходившим в ту пору на Мангышлаке, можно назвать полярно противоположными. Если у Турсуновой известие о гибели отряда Рукина вызвало воодушевление у «народа», который «поднялся на борьбу», то у Потто приход мятежников в рыбацкий поселок, расположенный близ форта, сопровождался чудовищными зверствами – разбоями, грабежами, насилиями, убийствами и разрушением всего, что только можно. Понятно, что ни «классовый подход», ни этническая солидарность не позволили бы Турсуновой дать объективную оценку деятельности адаевцев.

Работа Турсуновой имеет ряд достоинств. Наряду с вопросами колониальной политики российских властей и противодействия ей со стороны казахского племени адаевцев, затронуты социально-экономические вопросы, включая земледелие, рыболовство, торговлю, финансы. Хотя объектом исследования являются казахи, не забыты и представители других народов, поселившиеся на Мангышлаке. Использован крупный массив архивных дел и литературы, включая дореволюционную, хотя она далеко не всегда трактуется верно, порой имеют место явно умышленные искажения. Впрочем, это характерная черта для историографии советского периода, особенно, для историографии советских национальных окраин.

Потто пишет, что до 1820-х гг. русские власти не касались внутренней жизни казахов, ограничиваясь охраной от их набегов. Но после того как в середине века появились русские укрепления в Казахской степи, включая побережье Арала и Сырдарьи, граница России была отодвинута к границам Средней Азии, и большая часть казахских степей оказалась в пределах Российской империи. Так возникла необходимость *«позаботиться о постепенном слиянии этого края с Россией»*. Было решено приступить к созданию в Казахской степи *«прочной администрации, в главных чертах соответствующей с общими учреждениями империи»* [16, с.112].

Так были упразднены должности султанов-правителей разными частями Казахской степи, на которую теперь распространялась власть губернаторов (генерал-губернаторов) и их правления. Зато на низовом уровне вводились элементы самоуправления – волостные правления, аульные старшины и др. Контингент этих учреждений формировался из числа «туземного» населения. Введение выборного начала подрывало авторитет казахской знати (светской и духовной), вызывая ее недовольство.

Добавляла нестабильности и агитация хивинских эmissаров. По степи стали распространяться слухи, что скоро грядет изъятие у казахов земель в пользу государства, перевод кочевников в крестьянское сословие, привлечение их к солдатской службе, и даже перевод в православие. Волнения начались в Тургайской области, затем перекинулись в Уральскую. Их организатором стал мулла Досов. Комиссия, уполномоченная создавать волости, была вынуждена после неудачной поездки в «киргизскую степь», вернуться обратно [16, с.113–114].

Сложнее обстояло дело на юго-западе Казахской степи. Комиссия, выехавшая из Гурьева, неподалеку от Эмбы была встречена четырьмя сотнями казахов иссыкского рода. Вступивший с ними в переговоры казак из татар, Шамсутдинов, выяснил, что казахи требуют выдать им на расправу их соплеменника Тавасарова, члена комиссии, ставшего, по их мнению, изменником. Комиссию охраняли 12 уральских казаков, которые открыли огонь по нападавшим казахам, попытавшимся захватить Тавсарова силой. Иссыковцы отступили, но окружили русских, к тому же, к ним должно было подойти подкрепление. К счастью, нашлись казахи, готовые оказать помощь русским, которые, доверившись им, сумели под покровом ночи

тайно пробраться к берегу Каспия, и по его льду вскоре добраться до Гурьева [16, с.115].

Начавшиеся волнения заставили в 1869 г. основать в «киргизской степи» Уильское укрепление (на реке Уил), первым комендантом которого стал тот самый барон фон-Штемпель, что годом ранее, будучи комендантом Самарканда, отражал атаки бухарцев. В составе гарнизона значительную его часть составили уральские казаки.

Как всегда, путь через Казахские степи был непрост: палящий зной, дефицит колодцев с нормальной пресной водой, угоны лошадей и верблюдов «барантачами» (казахскими конокрадами) и т.п.

«Вооруженный мятеж в Уральской области подавлен был чрезвычайно быстро, но он долго еще продолжал держаться в соседнем с ним Мангышлакском приставстве», – пишет Потто [16, с.121]. Далее он отметил, что *«“новое положение”, вводившееся среди оренбургской степи, на первых порах совсем не коснулось адаевцев. Они жили слишком далеко, кочевали в соседстве с Хивой и Туркменией, и потому о переустройстве их в самый разгар степного мятежа нечего было и думать. Как прежде, в дореформенное время, ... адаевцы по-прежнему делились на две дистанции и управлялись своими почетными биями: Маяевым и Колбиным»* [16, с.121].

«Но зато, как только вооруженный мятеж в степи был подавлен, военный губернатор Уральской области тотчас потребовал к себе, в Уральск, обоих дистанчных начальников. Оба они явились в начале 1870 года. Им дали инструкции и отправили обратно уже с подполковником Рукиным, которому на правах уездного начальника подчинялось все Мангышлакское приставство», – продолжает Потто [16, с.121].

Для переговоров с адаевцами Рукин выступил из форта Александрова с полусотней казаков и несколькими почетными биями во главе с Маяевым, которого Потто назвал *«человеком умным и преданным русским»*.

«С отрядом в 38 казаков при четырех офицерах и переводчике Бекметове в сопровождении бия Б.Маяева, управителей отделений (всего 60 человек), с обозом из 35 верблюдов 15 марта 1870 г. он выехал из форта», – пишет Турсунова [22, с.80].

Согласно Потто, пройдя более ста верст и не встретив ни одного человека, Рукин распорядился ехать обратно, но у Сарыташского залива обнаружил, что обратный путь ему отрезали адаевцы, окружавшие их с разных сторон. Почти все, сопровождавшие отряд казахи сбежали к своим, остались лишь несколько человек с Маяевым. Одного из них Рукин послал в форт за помощью [16, с.122].

По-иному это преподносит Турсунова: *«восставшие большой массой окружили отряд и заявили Рукину, что не пустят его дальше в степь и требовали возвратиться назад, в форт. Ответом был залп из казачьих винтовок»* [22, с.81]. И только после этого *«казахам удалось преградить путь отряду и заставить его отступать»*. А после того как *«прибыла новая группа людей с полуострова Бузачи,*

восставшие “громადной толпой” заняли проход в горы Актау, чем отрезали путь отступления отряду к форту» [22, с.82].

Информация о настрое и намерениях Рукина кажется противоречивой. В своем заявлении, адресованном губернатору области и наказному атаману Уральского войска Н.А. Веревкину, он утверждает, что намерен избежать столкновений и мирными способами убедить адаевцев принять новшества: *«В виду оказания содействия волостным управителям к скорейшему окончанию введения нового положения, а также к понуждению и принятию мер введения такового Положения в тех частях отделений, которые на принятие еще согласия не изъявили, завтрашнего дня выезжаю в степь. Принимая меры к понуждению введения Положения, отнюдь не будет прибегаться к силе оружия, но постараюсь действовать на более влиятельных киргизов убеждением, разъясняя бесполезность всякого с их стороны сопротивления»⁵.*

Можно согласиться с Турсуновой, относительно перечисления казахов, оставшихся вместе с Маяевым, и не сбежавших к своим соплеменникам. *«В эту ночь из отряда ушли все казахи, сопровождавшие его, кроме бия Б.Маяева, его двух джигитов и старика К.Мурзабаева, прослужившего 12 лет почтарем в Александровском форте», – пишет она [22, с.81].*

Мятеж возглавил Иса Тулумбаев (так его называет Потто, у Турсуновой он – Тленбаев). Чтобы потянуть время, Рукин вступил с ним в переговоры. Тот потребовал выдать для расправы «изменника» Маяева, но получил отказ. Началась перестрелка, в ходе которой казаки, отступив верст на десять, оказались у подножья гор Актау. Первыми погибшими казаками стали урядник Багайдин и еще двое.

Потто пишет, что у уральцев еще свежа была память о героизме земляков, проявленных ими в «иканском деле» (не прошло и пяти лет), а потому они верили, *«лихой казачьей полусотне»,* имевшей *«прекрасные винтовки»* с достаточным количеством патронов, вполне удалось бы прорваться сквозь заслоны противника, которого они воспринимали не более чем *«шайку барантачей»* (конокрадов) [16, с.123].

Однако Рукина уже охватило волнение, и он не разрешил идти на прорыв. *«Рукин был человек, чуждый казакам, не знакомый ни с их обычаем спешиться, ни с подъемом их нравственного духа», – пишет Потто [16, с.124].* Возможно, он сгустил краски, но конфликт между Рукиным и казаками, которым тот угрожал будущим трибуналом за неподчинение, действительно, имел место. Об этом Потто узнал от казаков, попавших в плен и проданных в Хиву, но освобожденных после ее взятия русскими.

⁵ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.8239. Л.510.

Поднимаясь в гору, Рукин приказал бросить обоз, продовольствие, верблюдов и лошадей. Казаки предложили оставить лошадей, навьючив на них необходимые грузы, но Рукин заставил их выполнить его приказ [16, с.123].

Турсунова вновь преподносит все несколько иначе. Ссылаясь на Потто, она пишет, что адаевцы *«заняли проход в горы Актау, чем отрезали путь отступления отряду к форту. При рукопашной схватке за это узкое ущелье были убиты урядник, два казака и несколько человек со стороны восставших»*, хотя Потто писал о перестрелке, а не о рукопашной схватке, исход которой для кучки казаков, столкнувшейся с многотысячной толпой, закончился бы очень быстро с известным результатом. Далее она пишет, что *«восставшие, заняв путь к морю, снова окружили отряд, отбили всех верблюдов, лошадей с вьюками, а самих казаков заставили уйти на уступ горы»* [22, с.82]. Однако ничего отбивать не пришлось, казаки сами оставили все это, так как оно мешало их подъему на крутой уступ горы. Вероятно, Турсуновой была ближе точка зрения Юдина, также полагавшего, что обоз был не брошен, а отбит адаевцами [28 с.146].

Возникает вопрос: на что надеялись Рукин и его отряд, оставшись без транспорта и продовольствия? Ответ один: на скорую помощь. Для этого одного из верных казахов из числа подопечных Маяева они отправили в форт с запиской Рукина с просьбой об оказании помощи, и, как потом оказалось, это ему удалось. Ему, в отличие от казаков, было намного проще выбраться из окружения, не обратив на себя внимание.

В своей записке Зеленину Рукин просил отправить на помощь его осажденному отряду 20 казаков с оружием и сорока патронами на каждого, а также с медикаментами и тремя ведрами водки [28, с.147–148].

Чтобы хоть как-то оттянуть время, Рукин отправил для ведения переговоров в стан мятежников Маяева, но по пути он был убит точным выстрелом, и вести переговоры начал сам Рукин [16, с.124].

Непосредственной ошибкой Турсуновой стали ее строки, где она писала, что *«выступление небольшой группы адаевцев против отряда Рукина переросло в восстание с участием до 6 тыс. человек, а потом до 10 тыс.»* [22, с.96]. То есть, отряд Рукина был перебит «небольшой группой адаевцев», что «переросло в восстание», в котором на момент осады форта Александровского участвовали десять тысяч. Но если бы казаки столкнулись с «небольшой группой», она была бы уничтожена очень легко, и адаевцам не пришлось бы радоваться «победе».

Рукин с двумя офицерами и вахмистром⁶ Макаровым направился в лагерь адаевцев, которые, оставив двух офицеров в качестве заложников, велели Рукину спуститься с горы и предстать перед адаевцами, после чего те их пропустят в форт. Сообщив об этом казакам, Рукин встретил общее

⁶ Унтер-офицерский чин в казачьих войсках – старше урядника, но ниже подхорунжего. Присутствовал также и в кавалерии.

возмущение. *«Кто поверит киргизу, тот хуже бабы, говорят у нас старики»*, – возражали казаки своему командиру. *«Еще не было примера, и деды не запомнят того, чтоб казак покорился киргизам»*, – продолжали они. И требовали: *«Мы шашиками пробьем себе дорогу, довольно с нас сраму, что по вашему приказанию мы бросили верблюдов и коней»*. Аргумент относительно офицеров-заложников не действовал; казаки допускали, что тех уже нет в живых. С помощью угроз Рукин все-таки заставил казаков спуститься к мятежникам [16, с.124–125].

Новым требованием адаевцев стала сдача оружия. Рукин потребовал выполнить требование Тулумбаева, но казаки отказались выполнить приказ. Только после уговоров урядника Неулыбина, признавшего как всю абсурдность приказа, так и обязанность выполнить его, казаки сдали оружие. Сам ничуть не веря обещаниям адаевцев, урядник с горьким видом убедил казаков, что лучше погибнуть, чем прослыть бунтовщиками, после чего их судьба была предопределена. После этого большая часть их была перебита, а меньшая часть захвачена в плен для последующей продажи [16, с.125–126]. Н.Г. Мякушин пишет: *«Виновник этого постыдного дела, Рукин, застрелился тут же, на месте, из револьвера»* [18, с.100]. Потто, осуждая поступок Рукина, тем не менее, с осторожностью пытается его защищать. *«Он хотел спасти отряд, и только не сумел этого сделать, потому что не знал ни народа, с которым ему пришлось иметь дело, ни казаков, которыми командовал»*, – пишет Потто [16, с.127].

В этих словах звучат нотки сочувствия, и попытка хоть как-то оправдать недальновидное и ошибочное решение подполковника, имевшее трагические последствия в силу его полного непонимания сложившейся ситуации. Рассказ Юдина о переговорах и уничтожении отряда гораздо короче, чем у Потто. Кроме того, вместо двух офицеров, отправившихся с Рукиным, Юдин называет лишь одного – Логинова. Это вполне естественно, если учесть сообщение Юдина, что с Рукиным отправился лишь один офицер. Но гораздо серьезнее другое: именно Логинову, а не Рукину, Юдин приписывает уговоры и угрозы в адрес казаков, отказавшимся разоружаться [28, с.147]. Видимо, Потто был ближе к истине; офицеру-казаку его земляки гораздо ближе и понятнее, чем офицеру-чужаку, притом, старшему по чину и по должности.

Казачья песня об отряде Рукина завершается словами:

Тела тлеются героев

В той далекой стороне

И Рукин их, подполковник

Положил среди степей

В истории уральского казачества это была четвертая крупная трагедия после гибели отрядов Нечая и Шамая в 1603 г., гибели отряда Бековича-Черкасского в 1717 г., костяк которого составляли яицкие казаки, а также геройской гибели под Иканом большей части казаков есаула Серова

в декабре 1864 г. Но главная трагедия была еще впереди – до Гражданской войны оставалось примерно полвека.

Н.Г. Мякушин, комментируя очередную казачью песню (в данном случае, посвященную трагедии отряда Рукина) писал: *«В марте месяце 1870 года 40 казаков под начальством хорунжего Ливкина, находились в конвое мангышлакского пристава, подполковника Рукина, при поездке его по степи Мангышлакского полуострова для ввода в действие нового положения между киргизами. 25 марта, после трехдневного боя, отряд этот был задавлен скопищем киргизов, и казаки все были забраны в плен»* [18, с.285]. Здесь Мякушин не совсем точен: в плен попали далеко не все – не менее половины погибли, причем, несколько человек погибли еще до прибытия отряда Рукина в лагерь мятежников.

Сложно сказать, как сложились судьбы казаков, попавших в неволю, но точно известно, что, хан, по требованию российской стороны, намеревался освободить как минимум пятерых. Вот что писали по этому поводу «Уральские войсковые ведомости»: *«Хивинский хан, говорят, отправил особого посла, который идет теперь в Оренбург. При посольстве ведутся два аргамака, в подарок Государю Императору, с богато украшенными седлами и сбруей; каждого аргамака оценивают в 200 тилл⁷; везется также купеческий прикащик, который находится в плену в Хиве. Говорят, что хан намерен выпустить из плена и остальных русских пленных. Из письма одного казака, находящегося в плену, видно, что в настоящее время, из бывшего отряда Рукина, находятся в живых: Данилка Гузилов (работает в саду хана), Аксен Долбленов, Григорий Мостовицкий, Фаддей Дурманов и Иван Солодовников; об остальных неизвестно»* [26].

Очевидно, именно эти бывшие невольники, оказавшись на свободе, изъявили желание присоединиться к землякам, идущим в поход на Хиву, против их бывших поработителей. *«Из числа пленных было 5 казаков-уральцев, пожелавших идти в отряд, как им было предложено начальством; и вот 5 храбрых молодцов сбросили с себя хивинские халаты и мохнатые шапки, оделись в белые полотнянники, шапки, на конях, как будто и не были никогда пленниками хивинцев»,* – сообщают «Уральские войсковые ведомости» [27].

Описание трагедии, произошедшей с Рукиным и его казаками, у современного автора А.А. Михайлова довольно краткое, и не совсем точное (*«полковник Рукин отправился в разведывательную поездку, во время которой подвергся нападению «скопища» казахов и был убит вместе со всем конвоем (40 казаков). Вслед за этим казахи осадили Александровский форт, но были разгромлены прибывшими из Петровска кавказскими войсками»*)

⁷ Монета Бухарского эмирата, имевшая хождение и в других регионах Средней Азии, на тот период весившая около 3,5 граммов и чеканившаяся из серебра (хотя по-таджикски слово «тилло» буквально означает «золото», видимо, когда-то раньше эти монеты были золотыми).

[13, с.389]. Рукин был не полковником, а подполковником. Он отправился не в разведку, а на переговоры с адаевцами. Он был не убит, а застрелился. Убиты были не все казаки, часть была захвачена в плен. Мятужники были «разгромлены» не «вслед за этим», а, спустя много месяцев – только к концу 1870 г., и не только войсками, прибывшими из Петровска.

Гибель отряда Рукина воодушевила адаевцев, которые, с одной стороны, сочли это своей крупной победой. С другой стороны, они понимали, что гибель главы приставства не могла сойти им с рук, и теперь все «мосты сожжены». Казаки, выступившие на помощь Рукина, узнав о случившемся от казахов, верных Маяеву и собиравшихся хоронить своего бия, вернулись в форт Александров с горестной вестью. Ранее их проводником вызвался быть сын Маяева [28, с.146]. Казахи, оставшиеся лояльными к русской администрации, сообщили, что к мятежу примкнули практически все их соплеменники. Началась подготовка к защите форта [6, с.127–128].

«Комендантом форта был в то время капитан Зеленин, старый степной офицер, проводивший свою долгую жизнь в боях с азиатами. Он ... горячую речь сумел вдохнуть в простые сердца казаков необычайное мужество», – пишет Потто [16, с.128]. Здесь надо отметить, что Потто допустил ошибку: к тому времени Зеленин был уже не капитаном, а майором, о чем свидетельствует документ с указанием дат присвоения офицерских чинов (в данном случае – майорских) на период до начала 1867 г. Там, в «Списке майорам по старшинству», значится, что Егору Николаевичу Зеленину майорский чин был присвоен 19 апреля 1864 г. Предположить, что это был другой Зеленин, нельзя, ибо в документе указано, что речь идет о начальнике форта Александровского. Кроме того, там указано, что в 1855 и 1864 гг. он награждался орденами Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени соответственно [20, с.380]. Видимо, чин начальника форта могли перепутать рассказчики, от которых Потто черпал информацию, а, возможно, что-то мог спутать и он сам.

Потто пишет, что тогда опытный Зеленин не поддался на хитрость лидера мятужников Исы Тулумбаева, пытавшегося, под предлогом ведения переговоров, обманом выманить из укрепления его защитников: *«Напрасно Исса думает меня обмануть, – отвечал на это капитан Зеленин: – ни я, и никто из моих офицеров на свидание с ним не поедем, а что касается его угрозы, то пусть он попробует взять крепость, которая имеет на стенах 14 пушек»* [16, с.132].

Угроза взятия форта, обитателям которой грозила неминуемая смерть, а, в лучшем случае – издевательства и продажа в рабство, сплотила их, сделав единой командой, готовой стоять до последнего. Комендант и его казаки стали одной большой семьей, которая вряд ли смогла бы выстоять, если бы внутри нее не было согласия.

Потто ошибается, когда пишет, что о начавшемся мятеже еще никто не знал, отчего помощь могла прибыть нескоро. *«Ближайший пункт, с которого еще могло подойти подкрепление – это Уральск, находящийся*

отсюда в тысячеверстном расстоянии. Скоро ли доедет туда гонец? Да и доедет ли в такое время, когда все дороги были покрыты разбойничьи-ми шайками», – пишет он [16, с.128]. Оренбургское руководство еще до нападения на отряд Рукина просило руководство Кавказа направить через море подкрепление для подавления начавшегося волнения адаевцев.

Подобного мнения придерживался и Юдин, считая, что *«подмоги скоро ждать нельзя было, так как до ближайшего русского населенного пункта – Гурьева городка, от форта было 400 верст»*. Кроме того, противнику, насчитывавшему *«30 тысяч кибиток»*, еще и *«ожидалось подкрепление из Хивы»* [28, с.148]. Однако известно, что к тому времени решение о переброске войск для подавления разгорающегося мятежа было уже принято, как и решение о переводе Мангышлака в ведение кавказских властей.

В то же время, о нападении на форт известия военному руководству стало известно лишь после того как в Астрахань, где уже имелся телеграф, прибыла кусовая лодка с посланием от Зеленина, благодаря чему о нападении стало известно, как на Кавказе, так и в Оренбурге. Об этом пишут и Юдин, и Потто [28, с.148; 16, с.128].

После уничтожения отряда Рукина удар мятежников обрушился на мирное население полуострова – рыбаков, торговцев и прочих обывателей. Большинство рыбаков были русские, большинство торговцев – армяне и татары. Были и представители других народов, в том числе и казахи. Последних было немного, в основном это были наемные работники купцов и рыбопромышленников. Многие из них откровенно ненавидели своих «хозяев» и, по возможности, жаждали расправиться с ними. Первый удар мятежников обрушился на рыбаков Сарыташской ватаги.

Потто подробно передал рассказ одной из чудом уцелевших жертв. Тот рыбопромышленник доверял своим работникам-казахам, которые трудились у него не один год. Но когда те узнали о приближении восставших соплеменников, решили перейти к грабежам и убийствам. Они пробили топором голову промышленнику, предварительно убив его лоцмана, и решив, что обе их жертвы мертвы. Тем же занялись и другие наемные работники. Спасение к этому человеку пришло неожиданно. После ухода казахов его подобрали конные люди, доставившие его и других, чудом выживших людей, в форт. По дороге он узнал, что *«почитай все наши рыбопромышленники побиты, что работники-киргизы везде помогали убивать своих хозяев»* [16, с.129].

Подобные сведения приводит и Юдин. *«Работы для адаевцев было много, потому что рыбопромышленники дорого отдавали свою жизнь»,* – пишет он о бесчинствах мятежников. И добавляет: *«Цель киргиз была уничтожить этих слабых защитников прежде, чтобы они не могли чем-нибудь помочь форту Александровскому»* [28, с.148].

Все прибрежные поселения были уничтожены; спастись сумели лишь те, кто укрылись в форте. *«Два дня киргизы неистовствовали по всему морскому побережью»,* – пишет Потто [16, с.131]. Неподалеку от форта

находился маяк, службу при котором несли восемь матросов и один офицер. Взять маяк, представлявший собой высокую каменную башню, было непросто, и матросам удавалось целый день отражать атаки меткими выстрелами, а ночью незаметно спуститься на веревках вниз, и благополучно прибыть в форт. Адаевцы решили сорвать злобу на маяке, разрушив это крупное каменное сооружение высотой в 15 саженей. Потто назвал тот маяк *«величественным зданием, с высоты которого открывалась такая чудная картина на море и степь, уходившая куда-то далеко в бесконечное пространство»*. Однако *«разрушительные инстинкты дикарей взяли, наконец, свое, и к вечеру красивая, грандиозная башня, представляла собою лишь безобразную грудку развалин и мусора»* [16, с.131].

Турсунова пишет: *«Весть о разгроме отряда Рукина и убийстве Б.Маяева молниеносно разнеслась по всему Мангышлаку. Народ поднимался на борьбу»* [22, с.83]. И далее в подтверждение своих слов она ссылается на донесение коменданта форта, в котором значится, что *«все работники из киргизов, как у торговцев, так и у поселян, разбежались»*. Видимо, донесение умышленно было процитировано не полностью; автору не хотелось признать тот факт, что работники не просто разбежались, но и истребили своих хозяев вместе с их семьями. И правомерно ли назвать разгромом убийство небольшой группы казаков, к тому же разоруженных по приказу командира?

Первый штурм форта Александрова адаевцы предприняли в Вербное воскресенье, 5-го апреля. Штурм был отбит, и тогда на следующий день Тулумбаев предложил начать переговоры на своих условиях, заявляя, что Рукин жив и находится в плену у адаевцев. Но, как справедливо полагал Потто, майор Зеленин, хорошо знавший Казахскую степь, не был таким наивным, как погибший пристав. Так же считал и Юдин [28, с.149]. Тулумбаев предлагал Зеленину явиться в указанное мятежниками место, но опытный Зеленин отказался вести какие-либо переговоры с ними. *«Пусть он попробует взять крепость, которая имеет на стенах 14 пушек»*, – говорил он [16, с.132]. Конечно, 14 орудий – это приличная цифра, хотя в одном из номеров *«Уральских войсковых ведомостей»*, вышедшей в следующем году, упомянуты 18 орудий [25].

«Казаки, стоявшие на валу бесмненно днем и ночью, правда, не потеряли нравственной бодрости, но зачастую физически дошли до такого изнурения, что, случалось, некоторые из них бессознательно падали и тут же засыпали», – пишет Потто [16, с.133]. Потто писал, что после гибели отряда Рукина казаков в укреплении осталось 150 человек. Такого же мнения придерживался и Юдин [28, с.146; 16, с.132]. Хотя их должно было остаться примерно на сто человек больше.

Кроме казаков, численность которых сократилась после гибели отряда Рукина, «под ружье» поставили *«всех рабочих людей, лазаретную прислугу, писарей, причетников, денщиков и даже торговцев, сколько-нибудь умевших владеть оружием»* [16, с.132].

Адаевцы принялись грабить «армянский базар», находившийся близ форта, за стенами которого укрылись армяне. Со стен форта по грабителям казаками был открыт оружейный огонь. Он оказался результативным: как пишет Потто, на том базаре после обстрела остались «стены, обрызганные мозгом, товары, перепачканные кровью, людские и конские трупы, загромаздившие улицы», которые «показывали ясно, что картечь сделала свое дело и уложила на вечный покой немало хищного люда» [16, с.133].

Помощь осажденным пришла с Кавказа. Когда у казаков подходили к концу патроны и снаряды, они уже приготовились совершить вылазку, чтобы принять последний в своей жизни бой. «*Серьезно встретили уральцы роковой и, как они полагали, последний день в своей жизни. Все, что можно было сделать для спасения форта, ими было сделано, и теперь эти люди с холодной решимостью готовились встретить смерть, которая была у них не за горами*», – пишет Потто [16, с.134].

Но утром 9-го числа защитники форта неожиданно увидели пароход, плывущий со стороны Кавказа. Это был первый отряд, направленный на помощь защитникам форта Александровского. Потто пишет, что в его составе были две пехотные роты при двух нарезных орудиях, прибывшие из Петровска [16, с.134] (ставшего в 1921 г. Махачкалой). Юдин пишет то же самое, уточняя, что командиром этого отряда был майор Архангельский [28, с.150]. После этого мятежным адаевцам пришлось прекратить осаду форта. Еще через три дня (на Пасху) к форту прибыл отряд состоявший из двух рот солдат и 140-ка дагестанских джигитов, а с ними «граф К-сов» (как Юдин называл Кутайсова), которому предписывалось возглавить все кавказские части [28, с.150–151].

Потто приписал Тулумбаеву следующие слова: «*Теперь нашему делу конец. Исход один – идти в Хиву просить покровительства хана*» [16, с.135]. Возможно (и, скорее всего) он этих слов не говорил. Тем более, что мятеж продолжался еще длительное время, не один месяц. Но логика правильная: все подобные мятежники, после своего поражения, преследуемые правительственными войсками, в итоге находили убежище именно в Хиве, под покровительством ее ханов. Туда же бежал и Тулумбаев.

Подобный «исход» признает и Турсунова. «*После поражения восстания его предводители Иса Тленбаев, Досан Тажиев, Иржан и Ирмамбет Куловы со своими приверженцами и аулами и многие адаевцы, активно участвовавшие в восстании, всего 3000 кибиток, ... опасавшиеся преследования царских карателей, в декабре 1870 г. перешли в пределы Хивинского ханства*», – пишет она. И тут же оправдывается: «*Это был вынужденный переход адаевцев в Хиву, никак не связанный с какой-то ролью Хивы в восстании*» [22, с.99]. Закономерен вопрос: почему все подобные мятежники находили убежище именно в Хиве, а не где-нибудь еще? Например, в Персии или Китае?

Понимая, что мятеж во многом был спровоцирован Хивой, с которой лидеры мятежа поддерживали тесные контакты, местное русское военное

руководство стремилось минимизировать, а лучше – разорвать всякие связи казахов с хивинцами. Поэтому Уральский военный губернатор и наказный атаман Уральского казачьего войска Н.А. Веревкин был вынужден издать Циркулярное предписание «о запрещении киргизам Уральской области самовольно откочевывать в Хивинские владения и оставлять там детей для обучения» [24].

В статье, вышедшей весной 1873 г., в период только начинавшейся хивинской экспедиции, наряду со всеми бедами, которые Хива причиняла и продолжает причинять России, указано опасное влияние на обитателей Казахской степи, в том числе и на тех, что являются российскими подданными: *«Прямо с нашими степями сливаются степи Хивинского ханства – ханства совершенно от нас независимого, и вдобавок еще не имеющего никаких причин относиться к нам дружелюбно. При следствиях, производимых по свежим следам преступлений, оказывается, большей частью, что преступники или пришли со стороны Хивы, или ушли туда. Чем-нибудь недовольные нами аулы откочевывают к Хиве. Пленные наши оказываются рабами в Хиве же. Фанатики, подстрекатели, бродящие по степи и волнующие легко воспламеняемые умы киргизской молодежи, волнующие наперекор увещаниям старых биев, приходят из Хивы и говорят от имени хивинского хана»* [11, с.239].

Воинские контингенты продолжали прибывать на Мангышлак все лето. Между фортом Александровым и Петровским портом курсировали корабли «Князь Горчаков» и «Князь Барятинский» [28, с.155] (Турсунова ошибочно назвала его «Князь Баратынский» [22, с.88]). В боевых действиях принял участие и адъютант Великого князя Михаила, наместника Кавказа, барон Мейендорф. Вместо Рукина был назначен полковник Ломакин; лишь с его прибытием на Мангышлаке активизировались боевые действия. А вскоре прибыл и сам командующий войсками Дагестанской области. *«Видя, что дела творятся неладные, князь Меликов поспешил приехать сам в лагерь»*, – написал по этому поводу Юдин [28, с.155].

Что касается защитников форта, то все, достойные наград, получили их. Но, по словам Юдина, *«самой величайшей наградой для гарнизона был приезд в форт Его Высочества Великого Князя, наместника, передавшего им царское спасибо за верную службу»* [28, с.156].

Восстание в Младшем жузе, как того требовали идеологические установки эпохи, Турсунова назвала *«антиколониальным, антифеодальным, крестьянским движением»*, хотя согласиться можно лишь с первым определением. Казаки, солдаты и офицеры всегда выступают в качестве жестоких карателей, а казахи – ни в чем не повинными жертвами насилия, хотя хорошо известно, что жестокость была обоюдной. Волнения 1869–1870 гг., действительно, напугали власть, будучи массовыми. Но масштабы порой выглядят несколько завышенными: правительственные войска только и делали, что бегали от повстанцев: полковник Штемпель (бывший самар-

кандский комендант), подполковник Рукин, майор Пирогов и другие [22, с.67–69].

В двенадцати верстах от форта произошел бой между двумя кавказскими ротами во главе с графом Кутайсовым и пятью тысячами адаевцами. Автор преподносит это событие, как пример героизма адаевцев, хотя сама признает, что роты потеряли убитыми лишь десять человек, тогда как потери адаевцев были несопоставимо больше [22, с.69]. Турсунова цитирует уральского казачьего офицера и журналиста Б.А. Карпова, который писал следующее: *«На несколько верст поле было устлано трупами киргизов»* [1].

Порой автор преподносит информацию чересчур эмоционально, используя не совсем научную терминологию, например: «царские сатрапы», «зверская расправа» и т.п. [22, с.92, 94, 96 и др.].

«Солдаты насильовали женищин и девушек, а потом убивали их», – пишет она о действиях солдат из отряда подполковника Байкова, ссылаясь на документ Петербургского (тогда – Ленинградского) филиала военно-исторического архива [22, с.95]. Однако в указанных ею архивных листах нет ничего подобного.

Люди Байкова, подавляя мятеж, действительно проявляли чрезмерную жестокость, но не в том виде, в котором это преподнесла Турсунова. И за это Байков был отдан под суд, по решению которого был выслан в Тобольскую губернию, а также лишен чинов и наград. На этот раз можно согласиться с Черновым, критикующим Байкова не только за его чрезмерную жестокость, но и за состояние его отряда, поведение его людей и его самого в отношении с уполномоченными командованием лицами. Чернов пишет, что Байков не только *«в киргизских аулах производил разные насилия»*, но и по-хамски вел себя с полковником К.И. Новокрещеновым, которого оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский послал с инспекторской проверкой. А, кроме всего прочего, в лагере Байкова Новокрещенов *«нашел пьянство и всякое безобразие»* [8, с.223–224]. И все же понимать под насилием, в том числе, изнасилования, как это делала Турсунова – не совсем верно.

Турсунова не разделяет позицию ряда историков послевоенных времен, в 1951 г. высказавшим убеждение, что восстание адаевцев было спровоцировано хивинцами [22, с.98]. Однако отрицать наличие хивинского фактора нельзя; наличие работы хивинских эмиссаров хорошо известно. Возможно, оно не имело решающего значения, но явно присутствовало. Достаточно обратиться к документам тех лет. *«Мы же надеялись, что народ ваш прежде всех сынов киргизских окажет нам услуги и преданность. Если вы тверды на пути ислама, то по получении этого письма пусть придут сюда несколько почетных биев и старшин и скажут о своих намерениях, посоветуются и поговорят об общей пользе»*, – писал адаевцам хивинский хан⁸.

⁸ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.8239. Л.484.

Впрочем, попытки хивинцев оказать на казахов давление косвенно признает и Турсунова, но при этом она не считает, что это имело какие-то серьезные последствия, а зря.

Турсунова часто упоминает казаков, не уточняя, к какому казачьему войску они относятся – Уральскому, Оренбургскому или к войскам Северного Кавказа, так как все они принимали активное участие в наведении порядка. Но иногда она делает исключение, называя казаков «уральскими». Например, упоминая 32 пеших уральских казака при трех орудиях, упоминая их в отряде генерал-майора Бизянова, действовавшего в районе Эмбы, или упоминая их сотню в составе отряда самого оренбургского генерал-губернатора Крыжановского [22, с.88, 91]. Инициалов генерала Бизянова она не указала, но хорошо известно, что единственным генерал-майором Бизяновым был Константин Федотович Бизянов, сын легендарного Федота Григорьевича Бизянова, также генерал-майора, но к тому времени уже покойного.

Турсунова пишет, что даже царский офицер Иванин, осуждал действия К.Ф. Бизянова, которые вызвали справедливое недовольство казахов [22, с.54]. Однако Иванин, отмечая «недовольство и сопротивление» казахов, имел в виду совершенно другое, а именно – изъятие у них части их кочевий при учреждении Новой линии в Оренбургском казачьем войске. Напротив, рейд 1840 г. Бизянова-старшего (Федота Григорьевича) против адаевцев вызвал у Иванина неподдельное восхищение, поскольку тот отряд, несмотря на усталость после зимнего похода, сумел выполнить поставленные перед ним задачи в короткое время [9, с.193]. Но о Бизянове-младшем у Иванина нет ни слова.

Турсунова постоянно нарушает хронологическую последовательность; от описания более поздних событий она часто переходит к более ранним, и проделывает это неоднократно.

Территорию Казахской степи она называет Казахстаном, хотя ни такого государства, ни такой административно-территориальной единицы в XIX веке еще не существовало.

Турсунова пишет, что к середине XIX в. на Мангышлаке несли службу 3600 человек [22, с.44]. Цифра чрезмерно завышена. Или еще одна цитата: *«В это время территория казахов Младшего жуза, за исключением юга, где лежало плато Устюрт, оказалась окруженной казачьими военными линиями... Усиление последних сопровождалось изъятием земель у казахов»* [22, с.48]. Линий было две – Оренбургская на севере и Уральская на северо-западе земель Младшего жуза. Прочие линии (Сырдарьинская и др.) были сильно удалены на юго-восток, и к Младшему жузу отношения не имели. Изъятий казахских земель в пользу Уральского казачьего войска не было. Напротив, спорные земли между двумя Узенями – Большим и Малым – были изъяты у казаков и отданы казахам Букеевской орды.

А вот что Турсунова пишет о карательной экспедиции, действительно, имевшей место весной 1840 г.: *«Султан-правитель Западной части Млад-*

ишего жуза Б.Айчуваков и чиновник Оренбургской пограничной комиссии Бизянов с двумя отрядами в 500 казаков в течение двух месяцев (с 15 марта по 12 мая) преследовали аулы адаевцев» [22, с.53]. Но Федот Григорьевич Бизянов в ту пору был полковником Уральского казачьего войска, и никогда не был «чиновником Оренбургской пограничной комиссии».

Турсунова признает, что отнюдь не все казахи Младшего жуза подержали мятеж. Были и те, кто прямо или косвенно содействовал его подавлению. Некоторые из них даже получили награды. Кабак Ермамбетов – золотую медаль «За храбрость», а еще десять человек – серебряные медали «За усердие». Позже переводчик и почтарь Косум Мурзабаев участвовал в Хивинской (1873 г.) и Ахалтекинской (1880–1881 гг.) экспедициях, за что не раз награждался серебряной медалью и двумя знаками отличия Военного Ордена («для магометан»). В Ахалтекинской экспедиции он возглавлял сотню «киргизской милиции». После оставления царской службы ему была назначена пенсия в размере 150 руб. в год [22, с.97].

После взятия Хивы русскими войсками в 1873 г., многие из укрывшихся там беглецов предпочли каяться и просить прощения. Иса Тулумбаев (Тленбаев) – тот самый, что погубил отряд Рукина и осаждал форт Александровский, в обмен на прощение согласился помочь в поимке Досана Тажиева. Этот факт признает и Турсунова: *«Иса Тленбаев после завоевания в 1873 г. Хивы Россией возвратился на Мангышлак и явился с повинной к начальнику отряда Ломакину. Его оставили на свободе с условием содействия в поимке Досана Тажиева, учредив за ним тайный надзор. Иса показал усердие в выполнении задания, за что был прощен и в 1874 г. назначен волостным управителем»* [22, с.114]. *«Через некоторое время все казахи, участвовавшие в восстании, были амнистированы, в том числе и некоторые руководители»,* – продолжает она [22, с.115]. Среди тех, кто участвовал в захвате Тажиева, а затем и его сподвижников, были некоторые бывшие участники адаевского мятежа, в том числе Иса Тулумбаев.

В форте Александрове была собрана местная родоплеменная знать, где ее представителям было объявлено, что Великий князь Михаил, как наместник Кавказа, с согласия императора, готов простить их соплеменников, но они должны компенсировать причиненный ущерб, включая гибель российских подданных и захват уральских казаков из отряда Рукина. Контрибуцию предполагалось брать баранами. С учетом общего количества «кибиток» (юрт) бии должны были сами решать, кто должен заплатить, больше, а кто меньше, в зависимости от степени виновности⁹.

Примером казахского бия, честно служившего российским властям, был Баймагомед Маяев – зауряд-хорунжий, управляющий Верхней дистанцией казахов адаевского рода.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.ВУА. Д.6825. Л.219–221.

По поводу участия уральских казаков в деле «водворения порядка в киргизской степи» в 1869 г. Н.Г. Мякушин написал следующее: *«Во время возмущения киргизов в степи Уральской области в 1869 году, подлежащие на службу в Туркестанский край пять с половиной сотен под начальством есаулов Щучкина, Иванова, Подъячева и других, были посланы для усмирения этого восстания. Здесь наши казаки участвовали в разных отдельных отрядах, в составе которых имели несколько успешных дел против мятежников»* [22, с.285].

Некоторые из упомянутых офицеров были удостоены различных орденов. Вот текст приказа: *«Награды за водворение порядка в киргизской степи и введение в ней нового положения: есаулам Ротнову, Щапову (Северьяну), Щучкину, поручику Лейб-гвардии Уральского казачьего эскадрона Мизинову, сотнику Федулееву, войсковому врачу Добровольскому – 627 рублей, генерал-майору Веревкину орден Святой Анны 1-ой степени с короною; начальнику штаба подполковнику Костенко орден Святого Станислава 2-ой степени»* [23].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Верненский гражданин [псевдоним Б.А. Карпова]. Письмо в редакцию // Современные известия. 1881. №187.
2. Военное предприятие противу Хивы // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). Кн. I (январь-март). М.: Университетская типография, 1860. С.147–166.
3. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Составил по поручению Императорского Русского географического общества действительный член общества П.Семенов при содействии члена-сотрудника В.Зверинского. Т.V. СПб.: Изданием А.Н. Турубаева, 1885. 1000 с.
4. Голованов В. Из походных записок о действиях в степи в 1869 г. // Уральские войсковые ведомости. 1871. №33.
5. Данияров К. История Казахского государства. Ч.2. Алматы: Изд. «Жибек жолы», 2000. 192 с.
6. Железнов И.И. Уральцы: очерки быта уральских казаков / Полное собрание сочинений Иоасафа Игнатьевича Железнова. 3-е изд., посмерт., с доп. и включением неизд. ст. / под ред. Н.А. Бородина. Т.2. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 452 с.
7. Железнов И.И. Василий Струняшев: роман из казачьей жизни. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 211 с.
8. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург: Паровая типолитография «Товарищество печатного дела Каримов, Хусаинов и К°», 1907. 224 с.
9. Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1874. 268 с.
10. Из Киргизских степей // Голос. 1870. №127.
11. Из Средней Азии // Нива. 1873. №15.

12. К-ъ. События в степях Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869–1870 гг. // Уральские войсковые ведомости. 1870. №31, 38, 41, 42, 43.
13. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.: «АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. 429 с.
14. Несколько слов по поводу последнего восстания киргизов на Мангышлакском полуострове // Военный сборник. 1871. Т.79. №5.
15. Отрывки из прошлого Уральского казачьего войска. Из записок полковника А.Л. Гуляева. Уральск: Тип. М.А. Жаворонковой, 1895. 149 с.
16. Потто В.А. Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник. 1900. Т.81, №7. С.110–135.
17. Самарский краевед: историко-краеведческий сборник / сост. А.Н. Завальный. Самара: Кн. изд-во, 1994. 288 с.
18. Сборник уральских казачьих песен / собрал и издал Н.Г. Мякушин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.
19. События в степи Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869–1870 гг. / сост. С.А. Калентьев. Уральск: Тип. ТОО «Полиграфсервис», 2019. 104 с.
20. Список майорам по старшинству. Исправлено по 1-е января. СПб.: Военная типография, 1867. 596 с.
21. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды / отв. ред. М.А. Усманов. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
22. Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. (Вопросы социально-экономической и политической истории). Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1977. 184 с.
23. Уральские войсковые ведомости. 1870. №19.
24. Уральские войсковые ведомости. 1871. №14.
25. Уральские войсковые ведомости. 1871. №42.
26. Уральские войсковые ведомости. 1872. №12.
27. Уральские войсковые ведомости. 1873. №26.
28. Юдин П.Л. Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г. // Русская старина. 1894. №7. С.136–156.
29. Юр-Ко. Очерк восстания в Уральской области в 1869 г. и усмирение его // Голос. 1870. №23.
30. Юр-Ко. События в степях Уральской области в 1869 году // Уральские войсковые ведомости. 1870. №2, 3, 4, 6, 7, 9.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор Института туризма и социальных технологий, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 04.08.2025

Принята к публикации 18.08.2025

Unrest in the Kazakh steppe of the Ural region in the 1869–1870 in prerevolutionary and Soviet historiography

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

This article presents various approaches to analyzing the events of 1869–1870 in the Kazakh steppe (in the Younger Zhuz) among representatives of prerevolutionary Russian and Soviet Kazakh historiography. At the same time, researchers' opinions vary depending on the aspects under consideration – from the causes of the unrest to the moral and ethical assessment of the actions of the participants on both sides. It is clear that the differences in assessments are also due to the specific nature of the historiography of the prerevolutionary and Soviet periods.

Keywords: Nogai Horde, the Younger Zhuz, unrest in the Kazakh steppe, Fort Aleksandrovsky, Lieutenant Colonel Rukin, Major Zelenin, and the Ural Cossacks

For citation: Dubovikov A.M. Unrest in the Kazakh steppe of the Ural region in the 1869–1870 in prerevolutionary and Soviet historiography. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.94–123. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.94-123> (In Russian)

REFERENCES

1. Vernensky citizen [pseudonym of B.A. Karpov]. Letter to the editor. *Sovremennye Izvestia*. 1881, no.187. (In Russian)
2. *Military enterprise against Khiva. Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University (CHOIDR)*. Book 1 (January-March). Moscow: University Printing House Publ., 1860. Pp.147–166. (In Russian)
3. *Geographical and statistical dictionary of the Russian Empire*. Compiled by P. Semyonov. Vol.5. St. Petersburg: A.N. Turubayev Publ., 1885. 1000 p. (In Russian)
4. Golovanov V. From field notes on actions in the steppe in 1869. *Ural military Gazette*. 1871, no.33. (In Russian)
5. Daniyarov K. *The history of the Kazakh state*. Part 2. Almaty: "Zhibek Zholy" Publishing house Publ., 2000. 192 p. (In Russian)
6. Zheleznov I.I. *Uralians: sketches of the life of the Ural Cossacks. The complete works of Joasaph Ignatievich Zheleznov*. 3rd edition. Ed. by N.A. Borodin. Vol.2. St. Petersburg: Public Benefit Partnership Printing House Publ., 1910. 452 p. (In Russian)
7. Zheleznov I.I. *Vasily Strunyashev: a novel from the Cossack life*. St. Petersburg: Public Benefit Partnership Printing House Publ., 1910. 211 p. (In Russian)
8. Notes by Major General Ivan Vasilyevich Chernov. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Issue 18. Orenburg: Printing Partnership Karimov, Khusainov and Co. Publ., 1907. 224 p. (In Russian)
9. Ivanin M. *Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839–1840*. St. Petersburg: Public Benefit Partnership Publ., 1874. 268 p. (In Russian)
10. From the Kirghiz steppes. *Golos*. 1870, no.127. (In Russian)

11. From Central Asia. *Niva*. 1873, no.15, pp.239–240. (In Russian)
12. K. Events in the steppes of the Ural region and the Mangyshlak district in 1869–1870. *Ural Military Gazette*. 1870, no.31, 38, 41, 42, 43. (In Russian)
13. Mikhailov A.A. *The first push to the South*. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: North-West Press Publ., 2003. 429 p. (In Russian)
14. A few words about the last uprising of the Kirghiz on the Mangyshlak Peninsula. *Military Collection*. 1871, vol. 79, no.5. (In Russian)
15. *Fragments from the past of the Ural Cossack Army. From the notes of Colonel A.L. Gulyaev*. Uralsk: M.A. Zhavoronkov Printing House Publ., 1895. 149 p. (In Russian)
16. Potto V.A. The death of Rukin's detachment in 1870. *Historical Bulletin*. 1900, vol.81, no.7, pp.110–135. (In Russian)
17. *Samara local historian: a historical and local history collection*. Compiled by A.N. Zavalny. Samara: Book Publishing House Publ., 1994. 288 p. (In Russian)
18. *Collection of Ural Cossack songs*. Compiled by N.G. Myakushin. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich's Printing House Publ., 1890. 289 p. (In Russian)
19. *Events in the steppe of the Ural Region and the Mangyshlak district in 1869–1870*. Compiled by S.A. Kalentyev. Uralsk: Poligrafservice Publ., 2019. 104 p. (In Russian)
20. *List of Majors by seniority*. St. Petersburg: Military Printing House Publ., 1867. 596 p. (In Russian)
21. Trepavlov V.V. *History of the Nogai Horde*. Ed. by M.A. Usmanov. 2nd edition. Kazan: Kazan Real Estate Publishing House Publ., 2016. 764 p. (In Russian)
22. Tursunova M.S. *Kazakhs of Mangyshlak in the second half of the 19th century. (Issues of social, economic and political history)*. Alma-Ata: "Nauka" of the Kazakh SSR, 1977. 184 p. (In Russian)
23. *Ural Military Gazette*, 1870, no.19. (In Russian)
24. *Ural Military Gazette*, 1871, no.14. (In Russian)
25. *Ural Military Gazette*, 1871, no.42. (In Russian)
26. *Ural Military Gazette*, 1872, no.12. (In Russian)
27. *Ural Military Gazette*, 1873, no.26. (In Russian)
28. Yudin P.L. The Adayev Riot on the Mangyshlak Peninsula in 1870. *Russkaya Starina*. 1894, no.7, pp.136–156. (In Russian)
29. Yur-Ko. An essay on the uprising in the Ural Region in 1869 and its suppression. *Golos*. 1870, no.23. (In Russian)
30. Yur-Ko. Events in the steppes of the Ural Region in 1869. *Ural Military Gazette*, 1870, no.2, 3, 4, 6, 9. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor of the Institute of Tourism and Social Technologies, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received August 4, 2025

Accepted for publication August 18, 2025